

УДК 32.001 :929
Бирюков С. В.

ПАВЕЛ МИЛЮКОВ: НЕВЫНОСИМАЯ ХРУПКОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЫТИЯ?

О необходимости быть осторожным в политических выступлениях в переходную эпоху. Недостаточное политическое чутье не позволило видному историку и полити-

тику почувствовать драматический поворот в его карьере, истоки которого лежали в общей для многих политиков той эпохи проблеме...

Для цитирования: Бирюков С. В. Павел Милюков: невыносимая хрупкость политического бытия? // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2025. Т. 6. № 4. С. 40–42.

Павел Nicolaевич Милюков – знаковая фигура российской истории, одновременно и как науки, и как особой формы политической практики. Один из отцов-основателей партии конституционных демократов, идеолог и практик российского либерализма – направления, потенциал которого выглядел в глазах многих изначально многообещающим, однако так и не реализовался в качестве полноценной политической альтернативы в бурные первые десятилетия XX века, уступив место более радикальным политическим направлениям.

Более важным является то, что Павел Nicolaевич выступил инициатором политических процессов, последствия которых он не просчитал и вряд ли мог просчитать. Как не смогли просчитать и многие его современники и единомышленники, полагавшие, что путь либеральной модернизации для России первых десятилетий прошлого века являлся безальтернативным.

Так или иначе, две знаковых политических декларации стоили ему политической карьеры. Они способствовали входению страны в период политической турбулентности, выход из которой реализовался только через революцию.

Действительно, Россия 1907–1916 гг. – страна, находившаяся в точке бифуркации и готовая перейти в состояние глубоких трансформаций даже от незначительных (точечных) воздействий, требовала особой стратегии, которая так и не была выработана и реализована «правящим слоем» Империи.

Страна, была приведена в движение революцией 1905–1907 гг., последствия которой так и не были урегулированы, а породившие ее проблемы – актуализировавшиеся на рубеже веков национальный, рабочий, крестьянский вопросы, вопрос о переходе к последовательно выраженному представительному правлению – так и не нашли системного решения.

Политическая реформа с созданием Государственной Думы и первой версии российской многопартийной системы не способствовала созданию «ответственного правительства» и «ответственной оппозиции». Благодаря особенностям «третьеионьской системы» возник парламентский орган, который не принимал на себя полноты ответственности за протекающие в стране процессы.

Национальные движения, принявшие после политических преобразований форму национальных партий и думских лоббий, колебались между лозунгами о национальной автономии и национальном самоопределении и постепенно радикализировались по мере углубления политического кризиса в стране.

Реформа Столыпина, связанная с попыткой завершить крестьянскую реформу XIX века, направив Россию по американскому пути развития сельского хозяйства, предполагала не только создание слоя «крепких хозяев» как новой опоры для монархии, но и «слом» сельской общины, которая, помимо создания препятствий для выделения индивидуальных крестьянских хозяйств, выступала своеобразным «страховочным механизмом» в условиях поляризующейся деревни (ее разрушение позднее способствует «революционизации» российской деревни). Программа реформ Столыпина, которая, помимо решения «аграрного вопроса», предполагала также распространение правовых начал и гражданских свобод на наиболее многочисленное «крестьянское сословие» Российской Империи, будучи отвергнутой сословной элитой и консервативной имперской бюрократией, фактически явилась последней попыткой модернизации страны сверху.

У активно развивавшейся и самоутверждавшейся российской промышленной буржуазии не нашлось средств (а скорее – понимания необходимости такого действия) для реализации социальных программ для наемных рабочих, в то время как государство также не преуспело в реализации подобных социальных инициатив («полицейский социализм» Сергея Зубатова оказался в этом отношении мерой явно недостаточной).

Последний российский император не сделал всего возможного в сфере дипломатии для сохранения необходимых связей и контактов с Германией во имя избежания войны; Боркский мирный договор фактически потерял всякую значимость, а тесные родственные связи династии Романовых с германским правящим домом не сыграли решающей роли в ситуации предшествующего мировой войне европейского кризиса. Политический и экономический «ангажемент» со стороны Лондона и Парижа, основы которого были заложены еще в XIX веке, оказался в итоге безальтернативным.

В 1914 г. началась Первая мировая война, противниками вовлечения в которую выступил целый ряд представителей правящего слоя Империи, стала для страны и ее элиты полномасштабным вызовом. Вызовом, системный ответ на который в итоге так и не был дан, будучи заменен «революционным решением» проблемы. Воронка «позиционной войны», человеческие жертвы, неудачи на фронте, нараставшие экономические трудности, проблемы в функционировании «мобилизационной системы», а главное – дефицит идеологической мотивации суммарно подрывали престиж правящей династии. Знаковым месяцем стал ноябрь 1916 года – момент, когда уже состоялись и катастрофа армии Самсонова в Восточной Пруссии, и тяжелые весенние поражения 1915 г. с уходом русской армии из Восточной Галиции (вместо предполагаемого взятия «заносчивого Берлина»), и знаменитый «брусиловский прорыв», и война перешла в позиционную fazу, а «критические настроения» в российском обществе продолжали нарастать. Слабость правительственные кабинетов, политическая «безликость» возглавлявших их премьеров, отсутствие внятных ответов на тревожащие страну вопросы создавали ситуацию продолжающегося «сползания в кризис».

После не слишком удачного для России начала Первой Мировой войны император Николай II, взяв на себя функции Верховного главнокомандующего (что означало и принятие им на себя лично всей полноты ответственности за разворачивающийся в стране политический кризис), сумел навести порядок с военными поставками – но при этом упустил ситуацию, складывающуюся в тылу, во внутренней политике.

1 ноября 1916 г., после значительного перерыва в работе, собралась на свое заседание Государственная Дума, в составе которой даже правые депутаты принялись критиковать «бездарных министров». В своей нашумевшей речи на осенней сессии 1916 г. в Думе, текст которой распространялся по стране в списках, лидер кадетской фракции П. Н. Милюков доказывал, что вся политика царского правительства 1914–1916 гг. была продиктована «либо глупостью, либо изменою». Речь Милюкова, вдохновленного состоявшейся незадолго до этого поездкой в Европу (где он, по его признанию, занимался сбором сведений о попытках русского правительства пойти на сепаратный мир с Германией и где якобы нашел компрометирующие материалы на главу кабинета министров Бориса Штюремера, так и не представленные в итоге широкой общественности), была абсолютно сознательно полемически заострена. Депутат и лидер фракции фактически обвинил в предательстве Николая II (кузена кайзера Вильгельма) и его супругу Александру Федоровну (гессенскую принцессу, но при этом племянницу королевы Виктории). При этом в качестве источников он указывал иностранную прессу, в том числе немецкую – прессу воюющей на тот момент против России страны.

Знаменитый профессор не пожалел для своей речи брековых выражений, предъявляя, как аргумент, распростране-

ние сходных с выраженным в его речи настроениями в общественном мнении: «...Во французской желтой книге был опубликован германский документ, в котором преподавались правила, как дезорганизовать неприятельскую страну, как создать в ней брожение и беспорядки. Господа, если бы наше правительство хотело намеренно поставить перед собой эту задачу, или если бы германцы захотели употребить на это свои средства, средства влияния или средства подкупа, то ничего лучшего они не могли сделать, как поступать так, как поступало русское правительство (Родичев с места: «К сожалению, это так»). И вы, господа, имеете теперь последствия, Еще 13 июня 1916 г. с этой кафедры я предупреждал, что «ядовитое семя подозрения уже дает обильные плоды», что «из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене». Я цитирую свои тогдашние слова. Я указывал тогда, – привожу опять мои слова, – что «слухи эти забираются высоко и никого не щадят». Увы, господа, это предупреждение, как все другие, не было принято во внимание. В результате, в заявлении 28-ми председателей губернских управ, собравшихся в Москве 29 октября этого года, вы имеете следующие указания: «мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел».

Выступление Милюкова с думской трибуны, известное как речь «Глупость или измена», ускорило развертывание полномасштабного политического кризиса и последовавшее за ней падение монархии. Менее через два месяца в Петербурге произойдет убийство Григория Распутина (известного своими советами царю «неходить на немца»), а еще через два месяца произойдут известные февральские события, которые приведут к падению монархии. И это не решит принципиально многих из стоявших перед страной проблем, но погрузит ее в еще более глубокий кризис, «снятый» через случившуюся позднее революцию.

Действительно, напряжение войны, конфликты в политической сфере и во всем обществе создавали благоприятный фон для распространения слухов – от самых бредовых, наподобие сплетен о радиотелеграфной станции в царском дворце для передачи разведывательных данных в Германию, о существовании «придворной партии» во главе с императрицей и Распутиным, нацеленной на заключение сепаратного мира в Германии (умерший в 1915 году бывший премьер-министр Сергей Витте, активно выступивший в свое время против вступления России в войну, уже не мог быть к ней причислен). Расследование, проведенное позднее специально назначенной комиссией Временного правительства, не смогло найти ни одной улики, позволяющей обвинить представителей правившей до февраля 1917 г. фа-

милии в антигосударственной деятельности. Но политический триггер уже произвел масштабный эффект – легитимность государственной власти, заметно ослабленная после 9 января 1905 г. и последовавших за этим событий, была ослаблена до критического уровня, что сделало возможным тот самый «февралистский эффект», о котором в критическом ключе так много говорится в сегодняшней России.

Набиравший «политические обороты» лидер кадетской партии однако не сделал никаких критических выводов относительно возможных последствий его публичных выступлений. Весенное выступление 1917 г. П. Н. Милюкова во все той же Думе уже в качестве министра иностранных дел нового послереволюционного органа власти – о готовности России выполнить военные обязательства перед союзниками по Антанте – привело к падению первого состава Временного правительства, что способствовало дальнейшему обострению политического кризиса, разрешившегося в итоге через семь месяцев падением Первой российской республики.

Таким образом, буквально за несколько месяцев один из полагавшихся перспективным политиков, столкнулся с крушением всех своих планов и расчетов. Уже в апреле 1917-го на улицах взбудораженного Петрограда звучали лозунги: «Милюкова в отставку!» и «Долой Временное правительство». На этом политическая карьера Милюкова в свободной от самодержавия России закончилась. Возможно, именно таковы была судьба и миссия П. Н. Милюкова как политика?

Скандалное выступление, основывавшееся на почерпнутых из иностранной прессы сведений, осталось наиболее значимым деянием П. Н. Милюкова в истории. «Политическое скольжение», запущенное им в ноябре 1916 года, обернулось действительным вхождением России в период полномасштабных и драматичных трансформаций — революционный октябрь 1917 года, гражданская война, которым он способствовал, прошли уже без Милюкова, который явно не вписывался в качественно новую политическую динамику. В finale своей жизни осознававший весь возможный масштаб последствий своих действий политический деятель нашел пристанище во Франции, где скончался в 1943 году (Произнеся при этом незадолго до смерти свой знаменитый тост за Сталина как за объединителя «распавшейся России», что стало для него одновременным признанием в собственном банкротстве).

Недостаточное политическое чутье не позволило видному историку и политику почувствовать драматический поворот.

Информация об авторе:

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор, кафедра социальной антропологии и межкультурных коммуникаций, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия); кафедра политологии, Томский государственный университет (Томск, Россия); кафедра истории, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Томск, Россия).
E-mail: birz.07@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4071-0464

рот в его карьере, истоки которого лежали в общей для многих политиков той эпохи проблеме. Отмеченная еще Максом Вебером применительно к Германии политическая ловушка, связана с ситуацией, когда популярность монархии исчерпана, а либерально настроенная национальная буржуазия еще не готова взять власть в силу своей «политической незрелости». Возможно, именно эта незрелость (а не гипертрофия лидерского начала) привела к итоговому «слому» политической карьеры крупного историка и партийного деятеля, не сумевшего понять суть предкризисной ситуации 1916–1917 гг.

Непродуманные действия политиков, такие как подталкивание к соскальзыванию во все более глубокий кризис, периодически повторяются в истории России как сложно-организованной общественной и политической системы, которой требуются особые дополнительные усилия для прохождения через «точки неравновесия», когда крайне важно не допустить соединения внутреннего напряжения с внешними вызовами и давлением, что требует от практикующих политиков особого политического искусства и воздержания от «резких разворотов» и необдуманных ходов. Особенно в России, политическая ситуация в которой всегда держится на тонком ресурсе (сочетании собственно политического и символического ресурсов), истощение которого повергает в кризис политическую систему и где «политическая эмерджентность» в ситуации незавершенной трансформации легко превращается в политическую турбулентность.

Редакционный комментарий: неожиданная статья нашего постоянного автора, историка Сергея Бирюкова выглядит серьезным предупреждением для тех радикалов, кто хотел бы подорвать легитимность режима воюющей страны указанием на те или иные допущенные им просчеты — реальные или мнимые. Сейчас нынешним властям России, вооруженные силы которой перешли от обороны к наступлению, опасность «милюковщины» уже не грозит. Но в 2023 году ситуация могла развернуться вполне «по-милюковски», и, как мы помним, были тогда фигуры, готовые повторить тот самый роковой вопрос. Но когда лавры политического триумфатора сами идут в твои руки, так сложно отказаться от них — в неведении, что триумф окажется минутным, а эффектная фраза навсегда испортит историческую репутацию.

С разрешения автора текст взят с ресурса: <https://rusistina.ru/articles/milukov> / Ссылка активна на 10.10.2025

Author:

Biryukov Sergey Vladimirovich, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Department of Social Anthropology and Intercultural Communications, Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia); Department of Political Science, Tomsk State University (Tomsk, Russia); Department of History, Kemerovo State Medical University (Kemerovo, Russia).
E-mail: birz.07@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4071-0464